

Л. А. Дашкевич

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Одной из важнейших государственных реформ, задуманных и осуществленных в XVIII в., было создание системы светских учебных и научных учреждений. Вплоть до начала XVIII в. образование в России было монополией церкви. Монастырская ученость являлась делом личной воли духовенства и была уделом избранных¹. Первые попытки создать светскую школу власти предприняли в эпоху Петра I. Царь-реформатор уделял особое внимание развитию образования и научных знаний. «Великое посольство» 1697—1698 гг. и другие заграничные поездки продемонстрировали ему колоссальное отставание патриархального Московского государства от Западной Европы, сделавшей ставку на познание и разум.

Начало организации сети светских школ в российской провинции положил указ Петра I от 28 февраля 1714 г. об открытии арифметических («цифирных») школ. «Цифиры и некоторой части геометрии» в них планировалось обучать «дворянских и приказного чина дьяческих и подьяческих детей». Указ предлагал размещать школы при архиерейских домах и монастырях и содержать их за счет губернских доходов². Для преподавания в губернские и провинциальные цифирные школы были отправлены учителя – выпускники Навигацкой школы и Морской академии³. Благодаря их усилиям в 1716 г. в разных городах России было открыто двенадцать арифметических школ, в 1720—1722 гг. к ним присоединилось еще тридцать⁴.

Уральские провинции не были исключением. В начале 1720-х гг. цифирная школа начала действовать в Уфе — центре одного из уральских уездов. Школа эта была весьма немногочудна. В 1726 г., судя по докладу Адмиралтейской коллегии императрице, в ней училось всего 8 человек — дети «приказного чина»⁵. По инициативе Адмиралтейской коллегии и указом Верховного тайного совета «цифирные» школы в 1726 г. были переданы в ведение Синода. Постановление это, однако, принималось без ведома самого Синода, который не замедлил высказаться против него на том основании, что «те школы до духовного правительства не принадле-

жат»⁶. Указ 1726 г. долго не исполнялся или проводился в жизнь очень медленно. Синод отказывался выделять средства на содержание светских школ. Уфимская школа, очевидно, вскоре после решений 1726 г. перестала существовать. Известно, что после начала Оренбургской экспедиции, в 1730-е гг., в городе вновь были открыты начальные русские школы — словесная и арифметическая⁷. В 1739 г. в Уфимской словесной школе числилось пятнадцать учеников, в арифметической — двадцать два⁸.

Недолгой оказалась и судьба другой уральской «цифирной» школы. В 1723 г. учитель из Морской академии Степан Жеребцов был направлен в Соликамск. В местной «цифирной» школе ему надлежало учить «дьячих, подьяческих, поповых и прочего церковного чину и монастырских слуг детей». По прошествии трех лет, однако, в сентябре 1726 г., в докладе Морской академии Сенату было сообщено, что учителя многих «цифирных» школ «за недостатком учеников» вернулись в академию. Среди них числился и Степан Жеребцов⁹. В списке «цифирных» школ, представленных Адмиралтейской коллегией императрице в 1726 г., Соликамская школа уже не значилась¹⁰.

Петровская цифирная школа, как свидетельствует множество источников, оказалась непопулярной и недолговечной. Власть не сумела создать стимулы для получения образования. Провинциальный же люд воспринял школьное дело как новую обременительную повинность и разными путями стремился от нее избавиться. Известны случаи, когда школьников в городах привлекали к обучению под угрозой острога, рекрутчины, наказаний. Убегавших разыскивали и приводили на уроки в кандалах, но и это не удерживало от побегов¹¹. В 1716 г. власти пошли навстречу требованиям дворянства и освободили его от обязательного обучения в цифирных школах. В 1719 г. этого же добились посадские люди. Позднее своя школа была создана и для детей церковников. Цифирные школы тем самым по сути дела лишились контингента учеников. Долгое время судьба петровских школ была неопределенной. Правительство несколько раз пыталось передать их в различные ведомства, пока, наконец, в 1744 г. они не были соединены со школами гарнизонными.

Т. Г. Фруменкова считает одной из главных причин гибели цифирных школ в провинции позицию руководителей церкви. Она доказывает, что в начале XVIII в. церковь еще не была окончательно подчинена государству, и архиереи — члены Синода — могли позволить себе саботировать указы коронной власти. Синод неоднократно запрещал епархиальным властям выполнять распоряжения светского начальства о цифирных школах и просил «вывести» их из церковных помещений. Духовенство упорно отказывалось посылать своих детей в светские школы¹².

Надо отметить, впрочем, что весьма сложно приживалась в России и духовная школа, построенная Петром I по образцу европейских духовно-

учебных заведений. Духовный регламент 1721 г. предписал епископам создать в их епархиях особые архиерейские школы (с 1737 г. — семинарии), которые должны были функционировать на содержании местной церковной администрации. Известно, что попытка вятского воеводы полковника Чаадаева, правившего в Хлынове в 1721—1724 гг., учредить здесь такую школу не нашла поддержки у епископа Дионисия и Архиерейского приказа и фактически окончилась неудачно. Сменивший Дионисия в Вятской епархии епископ Алексей также долгое время не открывал епархиальную школу. Лишь по настойчивому требованию «высшего правительства» в 1727 г. он взял в архиерейский дом до 30 мальчиков, но школьниками они показывались только в донесениях епископа Синоду, на самом же деле никакого обучения этих детей не проводилось¹³.

Положение изменилось после прибытия в Хлынов (будущую Вятку) в 1733 г. нового епископа Лаврентия Горки. Это был широко образованный по тому времени человек, сторонник реформ и преобразований, соратник известного ученого и идеолога просвещенного абсолютизма Феофана Прокоповича. Выпускник, а затем и профессор Киевской духовной академии, епископ Лаврентий был горячим поборником развития просвещения и культуры. Один из его биографов даже приводит известие о том, что само прозвание свое, Горка, епископ получил от императора Петра I. После беседы с Лаврентием император назвал его «горкою учения»¹⁴.

Уже через год после своего прибытия, в 1734 г., Лаврентий Горка открыл в центре Вятской земли славяно-греко-латинскую школу, собрав в нее около 400 мальчиков из семей церковнослужителей и посадских людей. Содержание ее было возложено на местные монастыри. Настоятелям монастырей епископ направил требование о поставке к нему двадцатой доли с приплодного монастырского хлеба. Для обучения школьников Горка пригласил из Киевской академии профессора Финицкого, преподавателя Лещинского, а несколько позднее — крупного ученого Иоакима Богомедлевского¹⁵.

Начинания Лаврентия Горки, однако, встретили сильное недовольство и противодействие местного духовенства и посадских людей. А. Андриевский сообщает о том, что однажды жители города даже подняли открытое возмущение и «с дубьем и кирпичем» напали на устроенную епископом школу¹⁶. Лишь после вмешательства Синода сопротивление просветительской деятельности нового епископа прекратилось (один из вятских историков XIX в. сообщает, что в Санкт-Петербурге состоялся суд над противниками Лаврентия, один из которых, архимандрит Александр, был казнен в Тайной канцелярии!)¹⁷.

Первоначально вятская школа состояла из двух степеней. Одна из них была начальной школой, в которой дети овладевали грамотой, другая — школой повышенного типа, где ученики обучались латинскому и

греческому языкам, основам гуманитарных наук и богословских знаний. Позднее школа была разделена на шесть последовательных классов, в которых обучалось до 500 человек. В 1758 г. вятская славяно-греко-латинская школа была преобразована в духовную семинарию. Размещалась она при архиерейском подворье — в двухэтажной деревянной избе, а также в трех избах меньшего размера. К 1744 г. эти избы обветшали, и епископ Варлаам принял решение перевести школу в кельи Успенского монастыря. Там она и действовала до пожара 1752 г.¹⁸

Древнейшей духовной школой на Урале является училище при Далматовом монастыре. По данным А. Пашкова, оно было открыто в 1714 г.¹⁹ В 1735 г. на основе этого училища при монастыре была создана славяно-российская школа. Обучали в ней, очевидно, детей монастырских крестьян. Дети местных священно- и церковнослужителей, как свидетельствуют архивные акты Далматовского монастыря, обучались в домах своих отцов, а после открытия славяно-латинской школы в Тобольске (1738) стали отправляться туда. Тобольская славяно-латинская школа (преобразованная в 1744 г. в семинарию) стала основным местом подготовки духовных кадров для восточного Урала. На ее содержание монастыри ежегодно выделяли двадцатую часть своих хлебных доходов.

К концу 1750-х гг. Тобольская семинария оказалась не в состоянии принять в свои стены всех желающих. Чтобы хоть как-то разгрузить первые классы семинарии, митрополит Тобольский Павел II Канюсевич приказал открыть при местных монастырях и церковных заказах низшие латинские школы. В 1759 г. такие школы начали действовать в Красноярске, Барнауле, Троицке и Верхотурье²⁰. В 1761 г. славяно-латинская школа появилась и в Далматовском монастыре. Некоторое время здесь продолжала работать и ранее открытая славяно-российская школа. Вскоре после открытия славяно-латинской школы ее перевели во Введенский девичий монастырь. Численность учащихся Далматовской славяно-латинской школы в 1763 г. составляла 83 человека. Низшие славяно-латинские школы в Тобольской епархии просуществовали недолго. В 1769—1770 гг. их закрыли из-за отсутствия достаточно подготовленных учительских кадров²¹. Надо отметить, что эта проблема существовала, очевидно, и в урало-сибирских семинариях. Ни одна из них в первой половине XVIII в. не достигала уровня средних богословских образовательных учреждений.

Столь же элементарным было первоначально и образование учеников горно-заводских школ. Первые известия о школах на уральских горных заводах мы встречаем в начале XVIII в. Основателями их были попавшие сюда во время Северной войны пленные шведы. Целое поселение пленных шведов — около 200 человек (с пастором, квартирмейстером и приехавшими по своей воле женами) — сложилось в Алапаевском заводе.

Несколько пленников, неплохо разбиравшихся в горном деле, работали на Уктусе и в Туринске. По благословению начальника горных заводов их усилиями в Туринске была организована школа для обучения местных детей²². Существовали подобные школы и на Вятской земле. По данным одного из первых уральских историков, учителя Вятской главной народной школы А. Вештомова, в этих «самопроизвольно» созданных учебных заведениях детей обучали арифметике, немецкому языку и «различным художествам». Шведские школы на Урале просуществовали недолго. После заключения Ништадтского мира в 1721 г. почти все пленные шведы уехали на родину.

Любопытно объяснение, которое дает факту быстрого исчезновения подобных школ историк рубежа XVIII—XIX вв. А. Вештомов. «Всякое доброе посеяние, — пишет он, — без особенного на то соизволения и помощи высшего начальства остается втуне и исчезает»²³. Современные историки вполне согласны с этим утверждением современника: решающую роль в формировании российской системы образования играла коронная власть.

Основы массовой школы на горных заводах Урала были заложены выдающимся государственным деятелем Петровской эпохи, ученым, горным администратором Василием Никитичем Татищевым. В 1721—1722 гг. В. Н. Татищев, исполнявший должность главного начальника казенных горных заводов, открыл при уральских заводах несколько начальных школ. Арифметическая школа была создана в Кунгуре, словесная и арифметическая — при Уктусском заводе, словесные школы — при Алапаевском заводе и двух-трех приписных к нему слободах. Финансировались эти школы из общей суммы, положенной на содержание уральских казенных заводов. Открывая школы, горные власти руководствовались, конечно же, отнюдь не просветительскими интересами. Строящиеся заводы остро нуждались в грамотных людях, и прежде всего в администраторах. По мысли В. Н. Татищева, словесные и арифметические школы должны были открыться при всех казенных заводах Урала. Заводские школы собирали детей из числа мастеровых, солдат, приказных, приписных крестьян и прочих жителей горного ведомства. В 1723 г., после отъезда В. Н. Татищева с Урала, деятельность большинства открытых им школ была свернута. Преемник Татищева генерал В. де Геннин основные функции обучения передал в центр казенного горного дела — Екатеринбург. В 1724 г. здесь была открыта Екатеринбургская горная школа, сюда и перевели учащихся из Кунгура и с Уктуса²⁴.

Школьное образование в первой половине XVIII в. считалось службой, за которую ученики получали казенное жалованье. Как свидетельствуют заводские штаты, жалованье учеников было неоднозначным и различалось в зависимости от сложности получаемых знаний. Согласно

штатам 1733 г., разработанным В. де Генниным, 50 ученикам Екатеринбургской словесной школы выделялось годовое жалованье в 3 руб. 60 коп.; 25 ученикам, обучавшимся арифметике в арифметической школе, — 4 руб. 80 коп.; 15 ученикам, изучавшим геометрию и тригонометрию, — 6 руб. и 10 ученикам, практиковавшимся «в чертежах и рисовании ручкою», — 7 руб. 20 коп. Жалованье учителя словесной школы (штаты называют его «мастером») составляло 24 руб. в год, «мастера» же арифметической школы — 36 руб. в год²⁵. Общий расход на содержание школы составлял 522 рубля.

Для уральских школьников XVIII в. учеба была тяжелой обязанностью. В сопровождении конвоиров, деревенских старост или отцов они приезжали в Екатеринбург и на долгие годы отрывались от семьи. Ученическое жалованье было очень невелико, многим школьникам приходилось голодать, ходить по миру и просить милостыню. За любой проступок, «непонятливость», неявку на учебу дети подвергались жестоким физическим наказаниям. Провинившихся учеников били лозами, розгами, а иной раз и держали в помещении школы закованными в цепи²⁶. Неудивительно, что многие ученики бежали от тягот такой жизни — на заводы Демидова, в Тобольск, Кунгур, дальние слободы. По подсчетам А. М. Сафроновой, в 1720-е гг. из екатеринбургских школ бежало в среднем по семь человек в год. В 1733 г. был зафиксирован 21 побег²⁷. К началу 1734 г., по данным Н. В. Нечаева, на учебе в Екатеринбургской горной школе осталось лишь 57 человек²⁸. Восстановление и развитие сети горно-заводских школ началось после возвращения на Урал В. Н. Татищева.

Императрица Анна Иоанновна отправила В. Н. Татищева на Урал в 1734 г. с обширными полномочиями и подробной инструкцией, один из пунктов которой предписал новому руководителю Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов сочинить Устав, «по причине приключавшихся или впредь чаемых распрь между заводчиками и мастерами в делах, к заводам принадлежащих». Для совета в столь важном деле В. Н. Татищев должен был призвать в Екатеринбург «саших промышленников или их прикащиков», что он и сделал вскоре после своего приезда в Екатеринбург. Комиссия для сочинения Устава начала работу в Екатеринбурге в декабре 1734 г.²⁹ В 1734—1736 гг. промышленники и заводские приказчики несколько раз приглашались в столицу горного края для обсуждения положений нового нормативного документа. Надо сказать, однако, что прийти к единому мнению в своих спорах по поводу поставленных на обсуждение вопросов они так и не смогли. По этой причине, вероятно, разработанные ими под руководством В. Н. Татищева проекты Горного, Заводского уставов и Наказа шихтмейстеру так и не были утверждены коронной властью. Тем не менее многие их положения

стали неофициальными практическими руководствами для чиновников горной администрации, причем не только в XVIII, но и в начале XIX в. Как признавал в 1804 г. один из руководителей горной промышленности Урала А. Ф. Дерябин, «был ли сей устав представлен на высочайшее утверждение, того неизвестно; однако ж на заводах везде было поступаемо и ныне поступают во всех главных предметах по оному»³⁰.

Одним из предметов спора стало содержание на частных и казенных заводах школ. Мнение большинства «компанейщиков и прикащиков» по этому поводу звучало так: «буде ж сбор такой с промышленников спрашиван быть имеет, то им будет не без отягощения, и разумеется, что с партикулярных заводов от промышленников оного спрашивать не надлежит»³¹. Частные заводовладельцы в первой половине XVIII в. не видели особой необходимости в развитии грамотности среди мастеровых и работных людей. Уровень производства позволял им обходиться практическим обучением рабочих в заводских цехах. На казенных заводах, напротив, 1730—1740-е гг. стали временем расцвета школьного образования, что во многом было инициативой и личной заслугой В. Н. Татищева.

Татищевские заводские штаты 1737 г. существенно увеличили финансирование школьного дела на казенных заводах по сравнению с предшествующим периодом (табл. 1). Многократно возросло и число учащихся. В екатеринбургских горных школах в 1730—1740-е гг. училось от 200 до 354 человек³². Численность учителей и служащих школ доходила до 30 человек.

Следуя положениям Заводского устава, главный начальник Канцелярии главного правления казанских и сибирских заводов объявил обучение в школах обязательным для мальчиков – «управительских, церковничьих, приказных служителей, мастеров и всякого звания заводских жителей, кроме крестьянских, детей»³³. Наборы детей в школы стали производиться каждые два-три года, зачислялись сюда мальчики 6—15 лет. Екатеринбургские школы были не единственными учебными заведениями при заводах. В 1735—1737 гг. по указанию В. Н. Татищева словесные и арифметические школы были созданы при всех казенных горных заводах Урала (табл. 2). По данным А. М. Сафроновой, в заводских поселках того времени действовало 20 словесных и арифметических школ³⁴. Создавались они, как утверждалось в Заводском уставе, «для всеяния Слова Божия и умножения к пользе заводов принадлежащих наук»³⁵. В 1737 г. казенные горно-заводские школы, судя по справке Канцелярии главного правления заводов, обучали 654 человека (из них 464 получали жалованье)³⁶.

Т а б л и ц а 1

Штаты 1737 г.: финансирование екатеринбургских горно-заводских школ*

Наименование школ и учреждений	Штатные должности	Численность служащих	Штатное жалование, руб.	Другие статьи расходов	Общая сумма расходов, руб.
«Над всеми школами»	Ректор	1	500	—	500
	Эконом	1	60	—	60
	Копиисты из школьников	2	36	—	36
	Повар и два работника	3	36	—	36
	Работницы	3	24	—	24
				«на починку и присмотр школ»;	50
				«на книги»	50
Латинская школа	Субректор и пастор	1	250	—	250
	Учитель грамматики	1	250	—	250
	Учитель «начал» (начальной грамоты)	1	40	—	40
				«Инструментальному мастеру и на инструменты, на бумагу»;	100
Немецкая школа	Субректор	1	240	—	240
	Учитель грамматики	1	200	—	200
	Учитель «начал»	1	120	—	120
	Учитель арифметики и геометрии на немецком языке	1	84	—	84
	Учитель знаменования и чертежей	1	120	—	120
	«К ним по одному помощнику из русских» по 24 рубля	2	48	—	48
				«неимушким на пропитание — 80 по 4 рубля»	320
Русская школа	Учитель тригонометрии и чертежей	1	60	—	60
	Учителя арифметики и геометрии	2	72	—	72
	Учитель знаменования	1	36	—	36
	Учитель «оживописного»	1	60	—	60
	Учителя пения	2	36	—	36
	Учителя «читать и писать»	3	36	—	36
	Итого	30			2 828

* Источник: *Нечаев Н. В.* Горнозаводские школы Урала: (К истории профессионально-технического образования в России). М., 1956. С. 74.

** В копии штатов 1737 г., сохранившейся в фонде Уральского горного правления (см.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 631), жалование учителя грамматики в латинской школе составляло 120 рублей в год.

Т а б л и ц а 2

Финансирование горных школ при казенных заводах Урала по Уставу 1737 г.*

Месторасположение школ	Расход на содержание школ, руб.
Екатеринбург	2 828
Верх-Исетский завод	20
Нижний Уктусский завод	20
Полевской завод	20
Северский завод	20
Сысертский завод	20
Сылвинский завод	20
Каменский завод	20
Заводы Алапаевский и Синячихинский	120
Сусанский завод	20
Кушвинский завод	30
Туринские заводы (3 школы)	60
Школы в Пермском горном начальстве	140
Богословский завод	20
Висимский медный завод	20
Пыскорский медный завод	80
<i>Итого</i>	3 458

* Источник: *Нечаев Н. В.* Горнозаводские школы Урала... С. 74; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 631. Л. 1—11.

В середине XVIII в. образовательная политика горного ведомства несколько изменилась. В связи с передачей многих казенных заводов в частные руки горное ведомство сняло с себя заботы о содержании в них учебных заведений. Известно, что во второй половине XVIII в. на казенных заводах сохранились лишь екатеринбургские горные школы³⁷.

Созданные В. Н. Татищевым и В. де Генниным заводские школы давали учащимся основы начального образования. В словесных школах детей обучали чтению и письму, в арифметических — арифметике. В Екатеринбургской арифметической школе повышенного типа, кроме этого, изучали геометрию, тригонометрию, черчение и рисование. В иноязычных школах дети учились читать по-латыни и по-немецки, изучали грамматику, делали переводы, овладевали началами истории и географии.

Еще при открытии заводских школ В. Н. Татищев планировал сочетание в них общего образования с профессиональной подготовкой. Особое внимание при этом уделялось изучению черчения и рисования, которые, по меткому выражению французского министра просвещения Дюрюи, составляли «общий язык промышленности, который должен быть понятен каждому рабочему»³⁸. В октябре 1723 г. В. Н. Татищев в Наказе комиссару заводов Ф. Неклюдову разработал первую в истории России

программу соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. Она распространялась на учеников Екатеринбургской арифметической школы, которые параллельно с обучением черчению и рисованию должны были получать профессиональные навыки у мастеров. Уехав с Урала, В. Н. Татищев, однако, не смог реализовать эту программу в те годы.

К ее идеям он вернулся в 1736 г., разработав «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать». В этом документе В. Н. Татищев впервые дал перечень «искусств», которым следовало бы учить школьников во время учебы: проба руд, механика, архитектура, рисование, камнерезное, токарное, столярное, паяльное мастерства. Новая программа профессиональной подготовки распространялась на все словесные и арифметические школы при казенных горных заводах Урала, а также на школу знаменования. Для учеников вводилось почасовое расписание профессиональных занятий: в словесных школах – два раза в неделю, в остальных — ежедневно в определенные часы. Производственные навыки школьники должны были получать, непосредственно участвуя в производственном процессе. Согласно данным А. М. Сафроновой, программа профессионального обучения школьников претворялась в жизнь до начала 1740-х гг. После отъезда В. Н. Татищева с Урала она вновь была свернута³⁹.

В исследованиях уральских историков XIX в. встречаются упоминания и о существовании в Екатеринбурге особых профессиональных технических «школ». Н. К. Чупин в своей рукописи «Учебные заведения на уральских заводах» пишет о работе здесь в 1730-е гг. механической и геодезической школ. Механической школой руководил известный изобретатель, заводской механик Никита Бахорев. В 1738 г., судя по данным Н. К. Чупина, в механической и геодезической школах числилось по три мальчика⁴⁰. «Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии» В. Н. Шишонко дают сведения о работе в Екатеринбурге школы по обучению русских мастеров камнерезному искусству. В 1726 г. с этой целью на Урал был отправлен поручик Реф. В 1738 г. Берг-директориум направил в Екатеринбург каменных дел мастера Дейнера, который обучал мастеров ломке мрамора и изготовлению из него разных изделий по рисункам. Школа Дейнера работала до 1747 гг.⁴¹ Вряд ли, однако, эти «школы» можно считать профессиональными учебными заведениями в современном понимании этого слова, в этом стоит согласиться с Н. С. Корепановым⁴². Обучение учеников в них производилось строго на индивидуальной основе, в свободное от школьных занятий время и мало чем отличалось от производственного ученичества.

Казенные горно-заводские школы Урала были ведомственными учебными заведениями. Они находились под непосредственным контро-

лем горного начальства и подчинялись его инструкциям. В 1724—1726 гг. школы были в ведении Екатеринбургской заводской конторы, с 1726 г. — Сибирского обербергамта, с 1734 г. — Канцелярии главного заводов правления сибирских и казанских заводов. Располагались они в большинстве своем на территории Среднего Урала — будущей Пермской губернии.

Оренбургский край стал полем действия другого ведомства. Активизация освоения Южного Урала вызвала появление здесь особого административного органа — Оренбургской экспедиции (1734; с 1739-го — Оренбургской комиссии), подчиненной непосредственно Сенату. 15 мая 1744 г. Оренбургская комиссия была преобразована в Оренбургскую губернию, в состав которой вошли Уфимская и Исетская провинции; крепости, построенные по рекам Яику и Сакмаре; Яицкое казачье войско; зауральские башкиры. С момента образования губернии в ее управлении существенную роль стал играть военный элемент⁴³. Оренбург был аванпостом царизма в осуществлении политики присоединения к России народов Средней Азии и Казахстана. Здесь, в обширном «беспокойном» крае, для поддержания порядка содержались особые регулярные и иррегулярные вооруженные силы. Войска нуждались в подготовленных солдатах и офицерах. Эта задача была возложена на особую систему военного управления краем и обучения, которая начала формироваться в 1740-е гг.

Начало обучению солдат в России было положено императрицей Анной Иоанновной. Указ от 21 сентября 1732 г. предписал создать при пехотных гарнизонах школы, в которые должны были поступать солдатские дети 7—15-летнего возраста. Детей учили основам грамоты. Учащиеся гарнизонных школ, как и горные ученики, получали казенное жалованье. Общая численность воспитанников гарнизонных школ в стране в середине XVIII в. составляла около 4 тыс. человек⁴⁴. Есть сведения о том, что в Уфимской провинции первые подобные школы были созданы в 1730-е гг.⁴⁵

В центре Оренбургского края действовали не только начальные школы, но и специализированная Инженерная школа, дававшая ученикам основы фортификационного и инженерного искусства. Она была создана в Оренбурге в 1745 г. Выпускники Инженерной школы производились в кондукторы и обер-офицеры. В 1750 г. школа была закрыта, а ее воспитанников перевели в Санкт-Петербургскую соединенную инженерную и артиллерийскую школу (по другой версии она просуществовала до 1760 г., после чего была преобразована в гарнизонную)⁴⁶.

Специальные знания давали ученикам и школы гражданских ведомств. В 1744 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны в Оренбурге была открыта школа татарских учеников при Экспедиции пограничных дел. Учились в ней дети русских солдат, казаков и нижних воинских

чинов, которые не были зачислены в военную службу. После окончания курса они служили толмачами, переводчиками, копиистами, акцизными и таможенными чиновниками в Оренбургской пограничной комиссии. Писцов и копиистов готовила также оренбургская школа для детей ссыльных, которая была открыта в 1748 г. по инициативе губернатора И. И. Неплюева. Финансировались эти школы из губернских доходов⁴⁷.

Особые школы существовали на территории Оренбургского края для «инородцев» — башкир, татар и других местных нехристианских народностей. Они учились в издавна созданных мусульманских учебных заведениях — *мектебах* (начальные школы) и *медресе* (школы повышенного типа). Первые учебные заведения для башкирских и татарских детей на территории Оренбургского края были созданы еще в XVII в. Наиболее крупными среди них были: медресе деревень Суюндуково (1709), Четырманово (1713), Стерлибашево (1720), Сеитова посада близ Оренбурга (1745), дер. Бураево (1755) и др.⁴⁸

Мектебы и медресе находились в первой половине XVIII в. в руках мусульманского духовенства. Учащиеся мектебов — мусульманских школ грамотности — обучались чтению и письму на основе арабской графики, счету, заучивали наиболее употребляемые молитвы, читали Коран (обычно по книге «Афтияк»), а также книги духовно-назидательного содержания на тюрки. В некоторых мектебах, помимо этого, изучали письмо и счет. Обучение в этих школах длилось от 3 до 5 лет⁴⁹. После 3—5-летнего пребывания в мектебе ученики могли продолжить свое образование в медресе. Традиционно среднее и высшее богословское образование мусульмане России получали в медресе Средней Азии. Центрами научного паломничества были Бухара, Коканд и Самарканд. Существовали медресе и при местных мечетях. Курс обучения в них длился до 10—20 лет. В зависимости от срока и сложности он делился на несколько уровней. Ученики (*шакирды*) могли получить здесь и начальные знания шариата (*ибадат*), что было достаточно для имамов небольших общин, и более высокий уровень подготовки (*мушкилат*), что давало им возможность претендовать на богатые приходы и высшие духовные должности. Обычно в медресе изучали грамматику арабского языка, логику, философию, мусульманское богословие и право. В некоторых школах, помимо этого, преподавали риторику, правила стихосложения, астрономию, математику, каллиграфию и некоторые другие предметы. Этические нормы мусульманского мира изучались на основе поучительной поэзии на персидском и тюркском языках. Крупные медресе имели богатые библиотеки, в которых ученики могли познакомиться не только с религиозной, но и со светской литературой⁵⁰.

Отношение коронной власти к религии коренного населения в первой половине XVIII в. было крайне негативным. Особенно суровые меры для

обращения мусульман в православие государство проводило в 1720—1730-е гг. В 1731 г. была учреждена Комиссия для крещения иноверцев Казанской и Нижегородской губерний и других мест, в 1740-е гг. ее переименовали в Канцелярию офицера от новокрещенских дел. Канцелярия ведала гражданской и религиозной администрацией исламских общин в целом. Надо заметить, что исполнялись эти функции крайне грубо: представители власти с помощью православного духовенства насильно крестили взрослых, похищали детей, разрушали мечети. С началом Оренбургской экспедиции (1734—1744) эти меры затронули и башкирские земли.

По указу от 11 февраля 1736 г. была существенно сокращена численность ахунов (представителей высшего мусульманского духовенства) на башкирских землях. Указ запретил строить мусульманские школы и мечети без разрешения властей. Массовая дворянская и крестьянская колонизация края проводилась при поддержке властей. Башкирские земли скупались за бесценок. Сами башкиры подвергались насильственной христианизации. Губернатору и воеводам вменялось в обязанность строго следить за тем, чтобы новокрещенные башкиры не уходили обратно в свою веру, а самим новокрещеным за возвращение к прежней религии грозила смертная казнь⁵¹. Уральский историк Н. К. Чупин красочно описал один из этих изуверских поступков в своем очерке «Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 году». По приказу главного начальника горных заводов В. Н. Татищева тогда в центре города за обратный переход в мусульманство был заживо сожжен захваченный в плен повстанец Тойгильда Жуляков⁵². Подобная политика, конечно же, вызывала яростное сопротивление коренного населения. Традиционную культуру оно пыталось сохранить в сельских общинах. Сознательно замкнувшись в своем мире, нехристианские народы поддерживали собственное духовное мусульманское образование. Мектебы и медресе содержались тогда лишь за счет местного населения. Ни государство, ни духовные власти в первой половине XVIII в. не выдавали на них средств. Как правило, школы ютились в непригодных помещениях, учителям не хватало простейших учебных принадлежностей.

Характеризуя отношение к образованию общества и властных структур екатерининского периода, историки российской педагогики признают, что оно было по большей части практическим, прагматичным. Общее образование в те времена мало ценилось и правительством, и обществом. Петровская школа не ставила перед собой задачу воспитания и общего образования, она имела в виду главным образом техническую выучку для профессиональных целей. В этом ее основное отличие от будущих образовательных учреждений екатерининского периода. По мысли Петра I, стремившегося в кратчайшие сроки утвердить Россию равной

среди европейских государств, наука и школа должны были служить прежде всего практическим потребностям государства. Главной задачей школы была подготовка учеников к различным частям государственной службы или профессиональной практики, она должна была давать школьникам по преимуществу специальные, профессиональные знания. Петр I и его преемники в первой половине XVIII в. создавали и поддерживали школы лишь в том случае, если они выполняли конкретный запрос ведомства и правительства на подготовку обученного персонала⁵³. Логическим следствием такой политики стало закрепление сословности и ведомственности в образовании: именно ведомство могло обстоятельно решить вопрос о численности необходимого ему персонала и найти средства для его подготовки.

Сложившаяся в стране структура образования не требовала создания в составе высшего государственного управления специальных органов учебной администрации, обязанностью которых были бы объединение и регламентация дела народного просвещения. Профессор М. Ф. Владимирский-Буданов, а вслед за ним и другие историки XIX — начала XX в. называли подобную систему *сословно-профессиональным образованием*. «Так как народное образование нисколько не входило в число задач правительственной деятельности, — пишет М. Ф. Владимирский-Буданов, — а всякое образование было приготовлением к тому или другому роду службы, то, очевидно, то, что мы ныне называем народным образованием, должно ведаться теми специальными органами, в управлении которых находились различные ветви государственной службы»⁵⁴. Не были исключением из этого правила и немногочисленные школы, существовавшие на территории Урала. В период, предшествующий школьным реформам 1780-х гг., они не представляли из себя какой-либо продуманной структуры или системы. В административном отношении уральские школы распределялись по разным ведомствам, потребности которых они обслуживали, от этих ведомств они получали и учителей, и материальные средства. Процент населения, обучавшегося в школах, был ничтожным.

Тем не менее нельзя не признать определенного влияния первых уральских школ на формирование культуры местного населения. Год за годом школы изменяли общеобразовательный уровень и состав военных и гражданских специалистов, работавших на Урале. Школа несла на Урал новые традиции, новый культурный опыт, она воспитывала в учениках светское мировидение, давала им иную картину мира. Как подчеркивал известный русский историк и мыслитель П. Н. Милоков, светская школа стала главной воспитательницей и созидательницей русской интеллигенции (а для Урала — и интеллигенции технической). Значение первых образовательных учреждений для развития уральской промышленности

признавали и современники. В начале XIX в. учитель Пермского главного народного училища Н. С. Попов писал об Екатеринбургском горном училище: «Из сего старинного училища многие вышли горные офицеры, мастера и служители, которые, руководствуясь арифметикою Магницкого, геометриею, тригонометриею, более практическою, также опытных мастеров рисованием, приобретали довольно по тогдашнему времени знания для горного производства. Они могли делать все употребляемые при нем вычисления, отвесьть рудники, и леса положить на план и даже разумели (как они говорят) отвешивать шахты (то есть пробить шахту так, чтобы она соединилась со штольною в желаемом месте)⁵⁵».

¹ См. об этом: Вишленкова Е. А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1998. С. 41.

² См.: ПСЗ-1. Т. 5, № 2762, 2778.

³ См.: Фруменкова Т. Г. Цифрные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопр. истории. 2003. № 7. С. 136.

⁴ См.: Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2, ч. 2. М., 1994. С. 249.

⁵ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 137, 138.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ См.: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1997. С. 447–448.

⁸ См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 1. Уфа, 1956. С. 286.

⁹ См.: Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала: (К истории профессионально-технического образования в России). М., 1956. С. 38.

¹⁰ См.: Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России. С. 139.

¹¹ См.: Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 774.

¹² См.: Фруменкова Т. Г. Цифрные и архиерейские школы первой трети XVIII века. С. 136–143.

¹³ См.: Андриевский А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии, 1780—1880: Сб. материалов по истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 80.

¹⁴ Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 245.

¹⁵ См. об этом: Эмаусский А. В. Вятка в первой половине XVIII века // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995. С. 122.

¹⁶ См.: Андриевский А. Краткий очерк истории Вятского края... С. 81.

- ¹⁷ См.: В-н А. С. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии, 1780–1880... Т. 2. Вятка, 1881. С. 583.
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ Пашков А. Свято-Троицкий Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 68.
- ²⁰ См.: Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII веках. Новосибирск, 1968. С. 62.
- ²¹ См.: Пашков А. Свято-Троицкий Далматовский мужской монастырь. С. 70.
- ²² См.: Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723—1781). Екатеринбург, 2001. С. 15.
- ²³ Цит. по: Андриевский А. Краткий очерк истории Вятского края... Т. 1. С. 80.
- ²⁴ См.: Дашкевич Л. А., Сафронова А. М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX вв.) // Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1992. С. 88—90.
- ²⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 16. Л. 6 об.
- ²⁶ См.: Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724—1734): К 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 109.
- ²⁷ См.: Там же. С. 142.
- ²⁸ См.: Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. С. 63.
- ²⁹ Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг. // Ист. архив. Т. 9. М., 1953. С. 7.
- ³⁰ Цит. по: Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление М., 1953. С. 349.
- ³¹ См.: Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников. С. 145.
- ³² См.: Сафронова А. М. Горнозаводские школы // Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 131.
- ³³ Заводский устав Татищева // Горн. журн. 1831. Ч. 1, кн. 2. С. 190.
- ³⁴ См.: Сафронова А. М. Горнозаводские школы. С. 131.
- ³⁵ Заводской устав Татищева. С. 190.
- ³⁶ См.: Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. С. 75.
- ³⁷ См. об этом: Сафронова А. М. Горнозаводские школы. С. 131.
- ³⁸ Цит. по: Вессель Н. Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М., 1959. С. 282.
- ³⁹ О профессиональном образовании в горнозаводских школах см. подробнее: Сафронова А. М. Горнозаводские школы. С. 131; Она же. Формы профессиональной подготовки учащихся горнозаводских школ Урала в первой половине XVIII в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма: Сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 71—86; Дашкевич Л. А., Сафронова А. М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX вв. С. 88—90.

- 40 См.: ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 138. Л. 5.
- 41 *Шишонко В. Н.* Материалы для описания развития народного образования... С. 27.
- 42 *Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге... С. 104.
- 43 См.: *Побережников И. В.* Урал в XVIII—XIX вв.: эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Реформирование государственной службы в России: проблемы и пути их решения». Екатеринбург, 2001. С. 34.
- 44 См.: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. 14. СПб., 1895. С. 318.
- 45 См. об этом: *Мирсаитова С. Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. Екатеринбург, 2000. С. 37.
- 46 См.: *Вольфсон М. М.* Из истории школы в Оренбургском крае в XVIII веке // Педаг. сб. Оренбург, 1960. С. 204—207.
- 47 См.: Очерки по истории Башкирской АССР. С. 286.
- 48 См.: История Башкортостана с древнейших времен... С. 446.
- 49 См.: *Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 30.
- 50 См.: История Башкортостана с древнейших времен... С. 446; *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 374.
- 51 См.: История Башкортостана с древнейших времен... С. 253.
- 52 *Чупин Н. К.* Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 году // Русская старина. 1878. № 10. Т. 23. С. 309—313.
- 53 См. об этом: *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. М., 1994. С. 254, 257; *Виртшафтер Э. К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 30.
- 54 Цит. по кн.: *Рождественский С. В.* Очерки истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. С. 242.
- 55 *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества сочиненное в 1802 и 1803 году в городе Перми. Ч. 1. Пермь. 1804. С. 232.